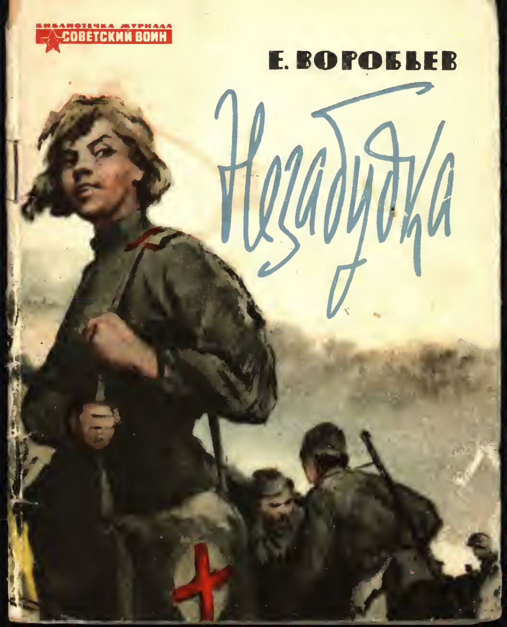
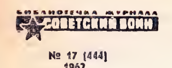

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА
СОВЕТСКИЙ ВОИН
Е. ВОРОБЬЕВ
Незабудка



№ 17 (444)
1962

Евгений ВОРОБЬЕВ

НЕЗАБУДКА

Маленькая повесть

Главное Политическое Управление Советской Армии и Военно-Морского Флота

1

Рассвет еще не подоспел, он замешкался где-то на марше, но светлые предвестники рассвета уже коснулись неба. Туман быстро редел. Черные сосны, стоящие на обрыве, отражались в реке, как в пыльном зеркале.

Комбат Дородных долго смотрел в стереотрубу. Конечно, ничего обнадеживающего, а тем более радостного в этих соснах не было, и однако же с лица комбата исчезло выражение недовольства и затаенной боли, разгладились морщины. Под конец он смотрел на эти сосны с явной приязнью, почти с удовольствием — обозначился тот берег, и Неман не казался больше безбрежно широким.

Прошла еще одна, другая, третья минута — вечность. Верхушки сосен окрасились в розовый цвет. Рассвет ходко шел в головном дозоре утра, рассвет приближался. И когда за спиной показалось новорожденное солнце, Дородных безбоязненно вышел из-за кустов на берег, к самой реке, зачерпнул полные ладони воды, отхлебнул ее и принялся вполголоса отдавать распоряжения ротным командирам и своему штабисту, отчаянно при этом жестикулируя и тыча длинным пальцем в тот берег, куда предстояло совершить бросок.

Теперь важно было, хотя бы до поры до времени, не нарушить речной тишины. Пусть противник как можно позже об-

наружит место переправы! К ней готовились всю ночь напролет под маской прибрежного леса.

Флотилия Дородных насчитывала несколько «кораблей». На берег вытащили прохудившуюся плоскодонку. Батальонные разведчики уже давно тащили с собой эту нескладную плоскодонку — флагманский корабль всей флотилии Дородных. Большая и неожиданная, однако, судьба у этой посудины! Нашли ее разведчики еще на Десне. Разве хозяин утлой плоскодонки с конопатыми боками мог вообразить, что она будет когда-нибудь утюжить Днепр, Сож, Березину, а вот теперь — сильный и своенравный Неман?

Вслед за плоскодонкой из прибрежных кустов выволокли надувную резиновую лодку и плотик — три телеграфных столба, связанных обмотками, ружейными ремнями и обрывками кабеля.

Хорошо, что по соседству с рекой оказался лесной хуторок. Оттуда притащили две половинки ворот, сорванные с петель и сбитые воедино, притащили добротную калитку. Там же в хуторке нашли солому и сено.

Посредине Немана виднелся вытянутый в длину песчаный остров, густо поросший лозняком. Остров облегчал решение задачи — он позволял преодолеть реку в два приема. Кроме того, растительность помешает противнику вести прицельный огонь, когда батальон будет обнаружен.

Снова в кустарнике, близ берега разорвался шальной снаряд. Дородных страдальчески прищурился, еще раз всмотрелся в солнце, встающее из-за червонного горизонта, и, уже не приглушая голоса, подал сигнал форсировать реку.

Солдаты начали торопливо раздеваться. Белобрысый паренек в каске, сползающей на уши и глаза, никак не мог стянуть с себя намокшие сапоги. Он достал кинжал и надрезал вверху голенища. Не поплывешь же в тяжеленных сапожищах!

— Эй, Незабудка! Отвернись, пока не ослепла! — раздался иронический голос из прибрежных кустов. — Наш взвод — в чем мать родила. Ребята стесняются...



— Что же теперь? Отдельно мужской, отдельно женский пляж откроем? Пусть быстрее сигают в воду. Ваш взвод и в бою застенчивый!

Взводный уже не рад был, что связался с Незабудкой.

Санинструктора не случайно так прозвали в батальоне. Во-первых, глаза ее полны голубого света. Ну, а во-вторых, она очень памятлива — не было случая, чтобы Незабудка забыла оказать помощь тому, кто в ней нуждался.

Капитан Дородных кинул свои сапоги, каску в плоскодонку, но сам в нее не уселся. Он стоял на берегу, не пригибаясь, даже не сутулясь, и только отчаянно вертел шеей. Все видели его долговязую фигуру. Он подбадривал солдат и все размахивал автоматом над чубатой головой.

Иные солдаты сняли с себя гимнастерки, шаровары, застегнули их на все пуговицы, набили сеном или соломой и положили на воду. На эти поплавки грузили каски, диски автоматов, гранаты, коробки с патронами. Кто-то запасся автомобильной камерой. Рыжий детина, похожий на совершеннолетнего младенца, притащил оконную раму. Третий солдат, как за спасательный круг, держался за большое колесо от кареты. Четвер-

тый приволок для своей амуниции корыто. Пятый связал наподобие поплавков два снарядных ящика. А белобрысый паренек, уже разутый, в каске, лежащей на оттопыренных ушах, выкатил из кустов бочку, столкнул ее в воду, поставил стоймя, долго чем-то нагружал, под конец перекрестился и вошел в воду.

В последний момент Незабудка решила не снимать с себя каску и не бросать сапожки. Она продела в сапожные ушки обрывок бинта, связала и повесила сапожки через плечо.

Еще снаряд ударил в реку. Столб воды плеснул Незабудке в глаза жемчужным блеском. Снаряд раздробил розовое зеркало реки на тысячу осколков. Словно откуда-то с Балтики докатилась до Немана штормовая волна. После того как опал водопад и стих внезапный шторм, остро запахло порохом и гарью.

Чем батальон быстрее расстанется с восточным берегом, тем меньше будут потери. Донеслась команда:

— За мной, хлопцы!

Дородных все потрясал автоматом над головой, оглядывался вокруг себя и тревожно всматривался в лица своих солдат, словно вел сейчас поверку, пересчитывал про себя, сколько с ним осталось боевых товарищей.

Конечно, Дородных можно величать и командиром батальона. Но разве там, в полку и выше, в дивизии, в армии, не знают о потерях, какие Дородных понес в боях за Вильнюс и на лесных дорогах, ведущих к Неману?

Сто тридцать три активных штыка — вот и все его войско. Пусть люди с воображением называют его комбатом, пусть его даже назовут Верховным Главнокомандующим особой Неманской группы, его войско не станет от того более грозным для противника. На самом деле он командует в этот час ротой неполного состава; правда, огневая мощь у роты усиленная...

В надувной лодке оставили место для Незабудки, но она отказалась от привилегии — не тот характер!

Незабудка уже вошла в воду, когда неподалеку кто-то застонал. Оглянулась и увидела пожилого, усатого солдата. Он

полз по берегу с телефонной катушкой на спине, волоча ногу в штанине, побуревшей от крови.

Не хотелось, так не хотелось выходить снова на берег! Раненым на этом берегу окажут помощь другие санитары, а ей приказано не задерживаться, не отставать от своих. Однако поблизости не было никого, кто мог бы перевязать раненого, исходившего кровью, и Незабудка пошла к нему, неловко ступая по острой гальке, леденящей ступни.

Обогнав ее, к раненому подбежал и оттащил его в кусты какой-то младший сержант, смуглолицый и черноволосый. Он уже достал индивидуальный пакет и собрался сделать перевязку. Незабудка молча вырвала из его рук бинт и принялась за работу. Ее всегда раздражали самодеятельные санитары, чья сердобольность позволяла им задержаться в тылу, отстать от тех, кто идет в первой цепи.

— Как тебя, девушка, зовут? — спросил младший сержант, когда она перевязала телефониста и снова направилась к воде. — Кого поминать добром?

— Вот войну отвоюешь, явишься на танцплощадку, будешь с тыловыми барышнями любезничать... А мне прошу не тыкать! Между прочим, я и по званию старше...

— За мной должен был Новиков присматривать, да вот... — сержант кивнул в сторону раненого. — Я поплыву рядом с вами...

Она поправила санитарную сумку, перекинула сапожки через левое плечо, автомат закинула за правое плечо и круто отвернулась от младшего сержанта. Но чувствовала спиной его умоляющий взгляд.

— Будешь еще морочить мне голову! Адъютанта мне по чину не положено. А если бы и полагался адъютант — нашла бы кого-нибудь понадежнее! Во всяком случае — не тебя...

— Вы меня не поняли, товарищ старший сержант, — он шумно передохнул. — Сам прошусь под шефство. На случай, если ранят. Мне тонуть никак нельзя. Меня обязательно вытащить нужно. В любом виде на тот берег доставить...

Она повернулась к младшему сержанту, подбоченилась, оглядела его, от босых ног до непокрытой головы — с презрением, которое вовсе не хотела скрывать, а, наоборот, выставляла напоказ.

— А чем ты лучше других?

— Не во мне тут дело. А тонуть не имею права, потому что...

Больше она ничего не услышала, хотя младший сержант продолжал что-то кричать; она видела его обиженные глаза, темные и горячие, его подвижные, но беззвучные губы, беспомощную улыбку.

Новый снаряд ударил в прибрежный кустарник, поднял к небу грязный столб разрыва. Под босыми ногами Незабудки качнулась галька, она сразу стала очень скользкой. Осколки пропели на разные голоса.

Незабудка поспешно бросилась в воду.

2

За несколько минут все бойцы успели отчалить, отойти, отплыть. Плоскодонка и надувная лодка уже были далеко от берега. На плотике из телеграфных столбов разместился расчет с пулеметом. Противотанковое ружье привязали к спаренным половинкам ворот; за ними плыли три солдата. Санитары плыли, держась за ручки носилок. Белобрысый паренек долго нагружал свою бочку, затем столкнул ее в воду и поплыл рядом. Верзила, похожий на огромного розовощекого и пухлого младенца, — это он приволок из хуторка оконную раму, — исхитрился втиснуть свои объемистые плечи в форточку и плыл таким образом.

Вот, собственно, и вся «эскадра» батальона, ее плавсредства. Остальные переправлялись вброд — вплавь, на так называемых подручных средствах — кто как сообразил, кто как приспособился.

— Течение злое. Навьючиваться никак нельзя, — предупредил Дородных. — Переходим на вольную форму одежды!

Дородных озабочен и мрачен. Даже в те редкие минуты, когда он шутит, выражение лица у него такое, словно он испытывает неотступную боль или во рту у него что-то горькое. Ветераны батальона помнят, что прежде комбат очень любил посмеяться. Но уже давно никто не видел на его лице улыбки. Он никак не·может оправиться от контузии — стал туговат на ухо, и у него время от времени подергивается голова.

Со всех сторон слышались плеск, бултыханье, тяжелое дыхание плывущих. То и дело раздавались возгласы, выкрики. Шла своеобразная перекличка — никто в эти минуты не хотел чувствовать себя одиноким.

— Не хуже, чем селедки в бочке!

— А в случае чего — не трать, кум, силы, опускайся на дно...

— Я такие реки больше люблю с берега.

— Как бы махорку не подмочило...

— Мокрей воды не будет!

— Разве на тебя можно надеяться? С тобой только тонуть удобно...

— Ты что, нашего старшину не знаешь? Брось его в реку — он выплывет с рыбой в зубах...

Дно ушло из-под ног, и Незабудка поплыла. Плыть очень трудно. Каску она упрямо не сняла, а сейчас бросить ее совестно. Кроме того, она выгребает одной правой рукой, так как в левой руке держит над головой санитарную сумку. Незабудка перехватила сумку правой рукой, потому что левая совсем онемела, перевернулась на спину и посмотрела назад.

Берег опустел. Всюду белели кучки белья и валялось обмундирование — будто какие-то сумасбродные купальщики затеяли на рассвете это купание: еще минута — другая, они вылезут из воды и торопливо оденутся, не обеспокоенные ничем другим, как тем, чтобы поскорее согреться... Однако Незабудка успела заметить и несколько тел, которые неподвижно лежали на прибрежном песке.

Ясно, что снаряды эти — не случайные гостинцы. Против-

ник обнаружил место переправы. Незабудка лишь удивилась, что немцы сегодня стреляют так неточно. Будто их наводчики чем-то сбиты с толку или введены в заблуждение.

Из-под каски — она все тяжелела, словно впитывала в себя воду, — Незабудка вновь поглядела назад. Далеко ли отплыли, много ли отставших?

И тут она увидела того самого черноволосого парня. Похоже на то, что он позже всех отважился войти в воду. На плече он держал сверток с каким-то барахлом — голову что ли прячет от осколков? Зачем же тогда бросил каску? Плыл он тяжело, то и дело окунался с головой в воду. «Вот заячья душа! Будто в воде осколки не дырявят...»

Выше по течению разорвался снаряд, за ним другой. Незабудка потеряла младшего сержанта из виду. Она мельком вспомнила прерванный с ним разговор перед тем, как войти в воду, и разговор этот заново вызвал раздражение: остался неприятный осадок, как привкус гари и минного пороха во рту после близкого разрыва.

Вода корчилась и вставала на дыбы. Жемчужные столбы, пронизанные косыми лучами солнца, опадали быстро, но вода потом долго не могла утихомириться, затянуть бурлящие воронки. Рябь успевала взъерошить всю воду — от восточного берега до острова.

Вот наконец и спасительный остров. Он густо зарос кустарником. Солдаты называли его всяк по-своему — ивняком, лозняком, вербой...

Все торопливо пробирались к западной оконечности острова. Конечно, очень заманчиво — хоть немного передохнуть в ивняке, подождать отставших. Но Дородных никому не разрешил отдышаться вволю.

Было одно весьма существенное обстоятельство, которое оправдывало Дородных, — он хитроумно выбрал для переправы такой участок, где река течет строго с юга на север. Обычно операции на реке начинали в предутренней полутьме, когда непочатый день еще ждал света. А Дородных решил форсировать



Неман после восхода солнца, когда немцы ослабляли свою бдительность, а вместе с нею — огонь по площадям. Солнце встало за нашей спиной. Восходящее солнце ослепило немецких наблюдателей, наводчиков, корректировщиков, их стереотрубы и бинокли утратили свою дальнозоркость.

Дородных все более обеспокоенно посматривал из-под руки на солнце и был явно недоволен тем, что оно так быстро поднимается над горизонтом. По острову начали постреливать немецкие пулеметы. А на западном берегу, под прикрытием песчаной кручи, как уверял Дородных, «пулеметы будут недействительны».

Речной рукав между островом и западным берегом был поуже того, который остался за спиной батальона. Но даже неопытный глаз мог заметить, что течение здесь, особенно у крутого берега, сильнее, а река глубже. Мутная вода крутилась на быстрине в завертах и омутах. Водоворот жадно глотал, засасывал какие-то щепки, тростник.

Свет прибывал, отчетливо виднелся западный берег. Прибрежные дюны поросли соснами-одиночками, за ними темнел

лиственный лес, вероятнее всего, дубрава. Но это вдалеке, потому что телеграфные столбы, шагающие вдоль берега, вдвое выше дубравы. Плотная тень берега неподвижно лежала на воде и, как всегда, скрадывала истинное расстояние — река казалась значительно более узкой, чем была на самом деле.

Незабудка вновь поплыла, упрямо не расставаясь с каской, подняв сумку над головой. Только когда попала на быстрину, она оценила предусмотрительность Дородных. Он не разрешил отплывать от любого места острова, а только с крайнего южного мысочка. Дородных учел, что пловцов неминуемо снесет течением, и если они не войдут в воду на южном мысочке, то поневоле проплывут мимо песчаного косогора. Десант лишится такого важного союзника, как высокий берег.

Больше всего Незабудка была обеспокоена сейчас тем, чтобы не намокли медикаменты, чтобы санитарная сумка не оказалась в воде. И эта деловитая тревога заглушила все остальные ее тревоги, опасения и страхи, помогла добраться до берега.

3

Первые бойцы уже выходили из воды на берег. Кое-кто — в одном белье, подпоясанный ремнем: на нем висели гранаты, и он же прихватывал ремень автомата, закинутого за спину. Редко кто в каске, чаще в пилотке, напяленной на уши, и все — босиком. Ну, а те, кому досталось «плацкартное место» в надувной лодке или на плоту — и вовсе вышли сухими из воды. Они переправились в полном облачении, со всей амуницией.

Белобрысый паренек, голый до пояса, в кальсонах, подвернутых до колен, но в каске, докладывал комбату о чем-то, держа при этом руки по швам. Автомат висел на шее, саперная лопатка лежала у босых ног. Каска то и дело сползала пареньку на глаза. Дородных отряхивался от воды, долговязый и длинношеий, как гусь. Он тоже не успел обуться.

Бочка покачивалась на мелководье, тычась в берег...

— Доставлены противотанковые гранаты. Шестнадцать штук. А также четыре ручных. Для личного употребления...

Дородных повернулся к белобрысому боком, как это делают все контуженные, которые слышат одним ухом. Гимнастерка у Дородных была расстегнута, но он вертел шеей так, словно ему жмет воротник. При этом с чуба капала вода.

Белобрысый паренек дождался лишь замечания, сделанного строгим тоном:

— Довольно прохлаждаться! А если осколок в твою пороховую бочку угодит? Срочно выгружай свой арсенал! Да поглубже в песок...

Паренек заморгал белесыми ресницами, бросился назад в воду и подтащил бочку поближе. Издали было слышно, как ее днище тяжело прошуршало по гравию.

Чуть ниже по течению выбрался на берег взвод, который форсировал Неман чуть ли не в форме Адама. Кто-то из солдат увидел Незабудку и прикрыл стыд саперной лопаткой, еще кто-то — каской.

Ах, никогда не забыть этого гнетущего ощущения беззащитности, когда ты ходишь нагишом, а по тебе, по раздетому, по голому стреляют! В такие минуты кажется непробиваемой броней хлопчатобумажная гимнастерка или шаровары, которые ты вынужден был бросить на том берегу.

Незабудка вылила воду из голенищ, но ей никак не удавалось натянуть мокрые сапожки — не налезают, да и только! Ну разве не легкомысленно было — заказать сапожнику из медсанбата обувь в обтяжку? А теперь из-за своего кокетства она будет шляться босиком.

Она уже успела сделать первую перевязку на этом берегу, когда увидела черноволосого младшего сержанта. Он лишь сейчас выходил из воды, держа сверток на плече, с трудом передвигая ноги. Вот вода ему по плечи, по грудь, по пояс, по колени, по щиколотку.

«Почему же он не снял сапог? Вот заячья душа! От всех отстал. Будто охромел или на костылях ковыляет. Может, задело?..»

Незабудка уже собралась его окликнуть. Какой он ни есть, Аника-воин, ее дело — оказать раненому помощь.

Едва младший сержант выбрался из воды, как тут же плюхнулся на песок и стал возиться с сапогами. В этот момент немецкие пулеметы открыли фланкирующий огонь — одна длинная очередь следом за другой. По воде запрыгали фонтанчики, а на берегу взметнулись струйки песка.

«Пентюх, однако! Нашел время и место переобуваться! Нет, младший сержант вовсе не переобувается, занят другим делом. Вот оно что! Тащит за собой провод!!!»

Он стал осторожно вытягивать провод из воды и наматывать на катушку. Она продолжала смотреть туда, где возился с проводом младший сержант. Ее бил озноб стыда, она чувствовала, что румянец залил ее щеки, шею и уши...

А младший сержант тем временем деловито раздумывал: «Хорошо, что обвязал провод вокруг той кривой вербы. Все-таки тяжесть стала поменьше. А то бы ногу напрочь оторвало проводом...» Он прополз по прибрежному песку, таща за собой провод, и обосновался в нише, под самой кручей. Тут же выпростал из клеенчатого мешочка телефонный аппарат, и Незабудка, занятая ранеными, услышала по соседству:

— Я — «Незабудка», я — «Незабудка»! «Сирень», почему не отвечаете? Алло! «Сирень», вы мне нужны! Вот теперь слышу. Позовите к аппарату ноль третьего...

Девятая рота получила приказ окопаться на прибрежной полосе на случай, если противник вздумает контратаковать с флангов.

Иные счастливцы взмахивали саперными лопатками, другие выгребали песок касками, кто-то орудовал кинжалом. А что делать, если нет лопатки, каски, кинжала, а зарыться в песок следует как можно быстрее? В таком случае и пряжка солдатского ремня — шанцевый инструмент. Ну, а бедолаги и мытари, которые переправились через Неман в одном исподнем, разгребали песок голыми руками. Младший сержант тоже углублял свою нишу руками, пока не раскровянил пальцы.

Незабудке хотелось помочь ему, но своих хлопот поверх головы. Ей приказано развернуть медпункт под защитой той же кручи — с наступлением темноты отсюда будет удобнее эвакуировать раненых. В песчаной стене торчала узловатая коряга, Незабудка повесила на нее свою сумку. Красный крест на сумке играл роль госпитального флажка.

4

Комбат Дородных решил не отсиживаться на берегу, поскольку все командные высотки оставались в руках противника. Он правильно рассудил, что плацдарм следует сразу же расширить. Во что бы то ни стало втянуться в дубраву седьмой и восьмой ротами! Дубрава зеленеет на горизонте, а к югу от нее врассыпную разбежалось несколько молодых дубков. Окопаться на западной и южной опушке этой дубравы, взять под контроль подходы к Неману и в случае надобности прикрыть огнем девятую роту, которая остается на самом берегу.

Дородных ушел с разведчиками вперед, а младшего сержанта оставил на берегу — к нему вскоре явится первый связной. И тут, как на зло, пропала «Сирень»! Тщетно младший сержант взывал к своей трубке, просил, убеждал, уговаривал, приказывал, умолял ее откликнуться, подать признаки жизни.

— «Сирень», вы мне нужны! Почему не отвечаете? Алло! Я — «Незабудка». Отвечайте! Вы мне нужны...

Видимо, снова обрыв на линии.

— Пропала «Сирень», — сообщил он себе безнадежным хриплым шепотом. — Без вести пропала.

Онемела «Незабудка», оглохла «Сирень» — ослепнут батареи.

Младший сержант разулся, подозвал к себе белобрысого солдата, оставил его у телефона, а сам скинул с себя мокрую гимнастерку и снова двинулся через Неман. Куда поведет его провод — в заросли ивняка на острове, а может быть еще дальше, к тому берегу?

Осколки и пули то и дело секли воду, скакали рикошетом, возмущая покой воды, подымая брызги, ломая отражение берега в реке. Взрывная волна посильнее речной. Она обдает берег внезапным дождем брызг и выплескивает клочья воды. Прибрежный песок никак не просохнет. Блестят новоявленные лужи, словно здесь бушевал морской прибой или прошел сильный ливень.

Незабудка с тревогой поглядывала на реку. Она понимала, что младший сержант может не вернуться вовсе или вернется лишь после того, как найдет, устранит повреждение.

Наконец младший сержант вернулся.

Позже на узле связи появился артиллерийский разведчик, присланный Дородных. А младший сержант, надрываясь, охрипшим, но веселым голосом кричал в ожившую трубку:

— Я — «Незабудка»! Соедините с ноль третьим. Алло, «Сирень»! Ноль третий? Это я, «Незабудка». Передайте соседям слева... Гранатой, взрыватель осколочный, заряд полный, угломер девять сорок, уровень тридцать ноль, прицел сто семьдесят... Да пусть не скупятся там... Вы меня слышите? «Сирень»! Подтвердите телефонограмму. Ясно. Да, да, всем дивизионом. Не жалейте на фашистов боевого питания! — Младший сержант достал огрызок карандаша, плюнул на ладонь, что-то записал на ней и снова спрятал карандаш в карман гимнастерки.

Гудела канонада, все вокруг потрясал тяжелый гул артиллерийской дуэли, которую затеяли наша и немецкая дальнобойные батареи. И пулеметы начали перебранку на опушке дубравы. А младший сержант все пытался перекричать разноголосицу боя и при этом подымал руку так, словно требовал, чтобы воюющие прекратили шум и грохот, — что за безобразие в самом деле, не дают поговорить человеку! — и снова хрипло орал в трубку что-то неслышное себе самому...

Он мечтал хотя бы на несколько минут снять наушники. Они впиваются, ввинчиваются в голову. Кажется, все туже и туже становится пружина, которая прижимает их к ушам.

И, как все связисты, младший сержант время от времени отводил к виску то один, то другой наушник — пусть отдохнет ухо.

Теперь, когда солнце поднялось и немецкие наблюдатели снова прозрели, они быстро обнаружили место переправы. Плоскодонку изрешетило осколками, и она застряла возле острова. Но при этом наши сделали грубый промах — оставили плоскодонку торчать на отмели, на самом на юру! А лучше бы спрятать ее в ивняке. По-видимому, эта плоскодонка и послужила немецкому наблюдателю ориентиром.

Теперь немцы вели по острову и по реке сильный огонь батареей четырехорудийного состава, калибр орудий — сто пять миллиметров. Можно было подумать, что немцы решили сегодня запрудить Неман осколками или нагреть ими воду. К счастью, у противника не оказалось здесь под рукой минометной батареи или он не учел рельефа местности. А при настильном огне девятую роту выручал крутой берег.

Каждый разрыв снаряда, даже тот, который не приносил жертв, причинял племени полуголых людей, окопавшихся на берегу, массу хлопот. Стенки окопов неудержимо осыпа́лись, а, кроме того, следовало оберегать оружие: засыплет песком — сразу выйдет из строя. И продрогшие люди — они так и не успели отогреться и обсушиться — снимали с себя сырые рубахи, гимнастерки и завертывали в них автоматы, ручные пулеметы. Ну, а младший сержант, тот прятал телефонную трубку за пазуху и пряжкой солдатского ремня, руками выгребал песок. Зарыться бы поглубже!

Подошла Незабудка и молча протянула младшему сержанту каску. Он поблагодарил ее взглядом, взял каску и принялся лихорадочно выгребать ею песок из-под ног, углублять полузасыпанный окопчик.

— Свою-то каску... бросить пришлось, — оправдывался он, не прерывая работы. — И саперную лопатку. Это когда Новикова зацепило... А все его имущество навьючил на себя.

Она села рядом на песок, руками обхватила круглые колени, поджала под себя босые ноги и молча смотрела, как трудится



младший сержант. Мускулистое тело его лоснилось от пота, а мокрые иссиня-черные волосы были все в песке. Он отрыл окопчик по грудь, упрятал вниз свой ящичек с телефоном, вытряхнул песок из каски, обтер ее и протянул Незабудке.

— Держите, товарищ старший сержант.

— Оставь каску себе.

— Да у вас у самой голова голая. А мне этот головной убор и не подойдет. Не мой размер...

— Каска, она еще танцевый инструмент. А у меня лопатка на медпункте. Видишь, раненый орудует...

Младший сержант оглянулся. И в самом деле — солдат с забинтованной головой углублял окоп, уже вырытый под санитарной сумкой-вывеской.

— Все равно такого подарка не приму, — младший сержант решительно положил каску на край окопчика.

Незабудка раздраженно передернула плечами.

— Уговаривать некогда. — Она надела каску, не забыв при этом поправить волосы, и легко вскочила на ноги. Однако уходить она не торопилась и зачем-то снова сняла каску. Только что она рассердилась на младшего сержанта, а сейчас очень

нравилось, что он отказался взять каску. И после трудного молчания она произнесла запинаясь:

— Утром я тебя взяла на подозрение. И плавать, подумала, не умеешь... А еще подумала — из самого робкого десятка.

Он сделал вид, что последней фразы вообще не расслышал.

— Так я же родом из Керчи! Сперва научился нырять с пристани, а потом читать и писать. Про таких ребят в порту говорят — обросли ракушками... Ну, а Новиков тащил мою катушку и аппарат. Я все имущество за ним подобрал. Из-за этого и разуться не пришлось. Идешь вброд, плывешь, а провод тяжелеет. И за все цепляется...

— Еще я прицепилась без толку со своим характером. А характер у меня тяжелый...

— Немцы не ко времени затеяли огневой налет...

Она отрицательно покачала головой, не соглашаясь с оправданием, которое придумал младший сержант.

— На немцев все свалить можно...

Незабудка отвернулась и поплелась к своему окопу. Она ставила голые пятки на песок так осторожно, словно ступала по минному полю. Она шла с поникшей головой, держа в руке каску; даже спина ее выражала огорчение...

5

На солдатское счастье тучи плотно затянули небо, оно стало серым, как портянка. При такой низкой облачности нечего делать немецкому корректировщику-разведчику. Хвостовое оперение у этого самолета весьма своеобразной формы, отсюда и название «костыль» или «хромая нога». А то еще солдаты, имея в виду назначение самолета, называют его «ябедником», «стукачом», «доносчиком», «табельщиком». Нет, «табельщик» сегодня не разлетается...

И вот уже, с разрешения замполита и командира роты, солдаты затеяли костер. Соберется дождь или нет — еще неизвестно,

а пока можно обсушиться, пригреться, можно сварить в котелке уху из рыбы, оглушенной снарядами.

В дело пошел валежник, сухой тростник, дреколье, выброшенное на берег еще весенним паводком. А костерик по соседству с медпунктом взялся сразу бездымным огнем: кто-то подобрал на брошенной немецкой позиции дополнительные заряды для мин, и они пошли на растопку. После близкого разрыва костер разметало воздушной волной. Все принялись собирать чадящие поленья, разбросанные по мокрому песку.

К огню жались так близко, что от бурно сохнущей одежды подымался пар. Того и гляди обуглятся, поджарятся, загорятся гимнастерки, шаровары, портянки, сапоги, рубахи, пилотки...

— Тебе хорошо, — донеслось от костра. — Ты птица водоплавающая. А у меня, грешного, когда земля из-под ног утекла... Уже не знаю, в какой части света себя числить. Жив еще или утоп... — Это исповедовался тот самый, богатырского телосложения солдат, похожий на огромного ребенка.

— Эх ты, сухопутная душа! Да и та — еле в теле... — хохотнул белобрысый, лопоухий паренек, который плыл с бочкой.

— А в чем моя промашка? Проживаем мы на Алтае. Кулундинская степь. Кроме, как в бане, и выкупаться негде. Места у нас безводные, засушливые. Палки для кнута не найти во всей округе...

Младший сержант нет-нет да и поглядывал с завистью на солдат, сидящих у огня. А почему там не видать Незабудки? Он увидел Незабудку, сидящей на песке у самой воды. Она с ожесточением выкрутила портянки, намотала их. Долго пыхтя и отдуваясь, возилась со своими сапожками. Наконец обулась и, повеселевшая, вскочила на ноги. Мокрая гимнастерка и шаровары прилипли к телу, четко очертив девичью фигуру. Во всем облике ее было одновременно что-то мальчишеское и очень женственное — в бедрах узка, в плечах чуть широковата, с хорошо очерченной грудью.

Незабудка подошла к костру. Раздался чей-то окрик:

— Эй, бочарник, отодвинься! А то уши пригорят.

Белобрысый паренек послушно отодвинулся от огня.

— Да суши ты свои звукоуловители! Я уступаю Незабудке место. Пережду во втором эшелоне...

— Садись, Незабудка, загорай! У тебя прическа мокрая.

Как ни было тесно у огня, для Незабудки местечко нашлось. Она выкрутила-выжала свои льняные волосы, спутанные, потемневшие от воды, и села на корточки, простерши руки к огню.

— Я вся отсырела, — Незабудка громко засмеялась и обернулась в сторону младшго сержанта. Она говорила с вызовом, явно хотела, чтобы тот ее услышал. — Теперь никто меня не зажжет. Несгораемая!..

— А мы тебе боты подарим, — обещал белобрысый. — И зонтик самый крупнокалиберный. До свадьбы просохнешь!

— Где уж нам уж выйти замуж, мы уж так уж как-нибудь! — бойко затараторила Незабудка, но тут же осеклась, глянув на младшего сержанта.

Закипел котелок, за ним второй, зашипели угли в костре, поспела уха, и Незабудку стали потчевать наперебой. Несколько рук протянулось с ложками, столь дефицитными на этом берегу. И, как знать, может быть ложка, простая алюминиевая ложка, вынутая из-за голенища и отданная товарищу в минуту, когда сытный запах ухи кружит голову, дрожат от голода руки и ты едва успеваешь проглатывать слюну, — самая точная примета фронтовой нежности; на переднем крае и нежность — суровая, деловитая.

Да, в словах Незабудка не слишком разборчива. Может нагрубить, может выругать последними словами, причем чины и звания в такую минуту не играют роли. Все в батальоне знали ее строптивый характер, вспыльчивость — «девка кипятная».

Рассказывали, как однажды к Незабудке — дело было еще на Смоленщине — привели самострела-леворучника. Она отхлестала его по щекам, как мальчишку, а перевязывать отказалать — пусть как хочет добирается от медпункта до трибунала.

Рассказывали также, как Незабудка вытащила из-под огня тяжелораненого немецкого обер-лейтенанта, перевязала его и

отправила в тыл вместе с нашими бойцами, под их присмотром. Она бинтовала немцу голову, а тот целовал ей руки. Потом немец снял с пальца золотое кольцо и сунул это кольцо ей. Незабудка отказать от подарка, да еще выругала немца самыми черными словами. На месте его фрау она давно отреклась бы от такого дрянного муженька, который с перепугу дарит чужой женщине свое обручальное кольцо. Выругала, отправила немца в госпиталь, а потом долго ходила мрачная. Кто знает, может, Незабудка еще в девичестве мечтала надеть обручальное кольцо, подаренное ей суженым. Но ни суженого, ни кольца от него она не дождалась и вряд ли уже дождется, а дождалась вот этой взятки от обер-лейтенанта...

Ходил слух, что Незабудка перевелась из медсанбата на передовую после каких-то сердечных неурядиц. Но подробностей о ее личной жизни солдаты не знали, да особенно этим и не интересовались. Тем более, что своим поведением Незабудка не давала повода для кривотолков и пересудов. Никому из здоровых она не отдавала предпочтения, а к раненым относилась в равной степени заботливо...

6

Незабудка про себя решила уступить младшему сержанту место, едва тот подойдет. Но не пришлось ему погреться у костра. Разве вправе он снять наушники и выпустить из рук телефонную трубку? Тем более немцы ведут сильный огонь по восточному берегу и линия связи уже несколько раз выходила из строя.

Пусть артиллерийский разведчик, которому младший сержант на время передал свои наушники, орет в трубку, надрывает голос до хрипоты, а телефонист из «Сирени» вслушивается, до боли прижимая наушники — оба не услышат ничего, если младший сержант не найдет место обрыва. Нужно будет срочно вызвать огонь, а как это сделать? От многострадального мотка

провода — сколько раз пришлось его чинить, сращивать, тачать, надставлять куски! — зависит судьба всего плацдарма.

В такие минуты младший сержант не думал ни о чем, кроме молчащих телефонов, воедино связанных проводом, но отныне разобщенных. В такие минуты вся линия жизни младшего сержанта полностью совпадала с линией связи. Ему сейчас страшнее было бы узнать, что онемела «Незабудка», чем самому потерять дар речи. Он шел, плыл, нырял, при этом все время пропуская провод через кулак, боясь его потерять.

К счастью, провод оборвался на отмели, возле кривой вербы, а не на глубоком месте. Младший сержант зачистил концы провода, срастил их, благо концы эти, перерубленные осколком, лежали один близ другого.

Обрыв в реке опаснее. Где и как найти второй, затопленный конец, после того как ты уже подплыл к месту обрыва с проводом, зажатым в кулаке? Ведь очень может быть, что тот, второй конец отнесло течением куда-то в сторону на десяток метров или еще дальше. Как же его найти под водой, да еще в надвигающихся сумерках?

Ракеты не в силах надолго раздвинуть темноту. В такой вечер, когда тучи висят над рекой и чуть ли не цепляются за верхушки сосен, кажется, что ракеты теряют в яркости, укорачивается их полет.

Младший сержант работал не покладая рук. Приволок неразорвавшийся снаряд, собрал крупные осколки, нашел дырявую, сплющенную каску, подобрал под телеграфным столбом два фарфоровых изолятора, нашел немецкие гранаты без взрывателей, еще какую-то железину. Все это сгодится в качестве грузил, и каждое грузило следует подвязать к проводу куском телеграфной проволоки.

Он совсем было разделся, но передумал, вновь натянул на себя гимнастерку и туго подпоясался ремнем. Каждый раз, входя в воду, он за пазуху засовывал грузила. Если провод уляжется на самое дно — его не достанут ни осколки, ни взрывная волна. Никто там провод не заденет, не порвет ненароком.

Незабудка сидела у костра и не спускала глаз с младшего сержанта. То он нырял в воду, то выныривал, занятый укладкой провода. Младший сержант находился на острове, когда там разорвался снаряд. Незабудку стала бить дрожь, будто вовсе и не сидела у огня. Но тут же она с облегчением вздохнула — увидела младшего сержанта. Он сталкивал в реку плоскодонку, застрявшую на мелководье у острова. Хорошо бы ее снесло, неприкаянную, течением. Но пробоины, видимо, были слишком велики и плоскодонка затонула. Ну, черт с ней, лишь бы не маячила, не привлекала внимания немецких наблюдателей и не служила для них ориентиром. Незабудка услышала, как замполит похвалил младшего сержанта за догадливость.

Подоспел скоротечный августовский вечер. Вода возле крутого берега стала по-ночному черной, повеяло холодком, и те, кто не успел обсушиться, не дождался своей или не раздобыл чужой одежды, дрожали зябкой дрожью, стучали зубами.

С Немана несло запахами речного простора — пахло водорослями, тиной, уснувшей рыбой. Рваные тучи сгущались, они закрыли звезды своей черной толщей. Погода была по-прежнему нелетной, но теперь о костре оставалось лишь мечтать, потому что противник по отблескам на низких тучах мог бы легко установить местопребывание роты, которая окопалась на берегу.

Наконец-то младший сержант закончил свои прогулки — через Неман протянулся подводный кабель. Едва младший сержант выбрался на западный берег, он попал под очередной огневой налет. Воздух шатался от разрывов, частицы песка повисли над берегом медленно опадающим облаком. Солдаты сидели в окопах, щелях, не высовывая голов. Никто, кроме Незабудки, и не видел, как младший сержант дополз до своего «узла связи».

Возможно, он испытывал бы страх, если бы ему не было так холодно. Сейчас страшнее всего был холод. Холод проникал за воротник, в рукава мокрой гимнастерки, сквозь швы, сквозь ткань. Песок леденил голые ступни. Он добрался до своего окопа, — как сильно осыпались стенки! — взялся за телефонную

трубку и был счастлив удостовериться, что «Сирень» на проводе.

— Я — «Незабудка»! Алло! Вы меня слышите? Не слышите? У меня все в порядке. Плохо слышно? Говорю — в порядке! В порядке!!! Не поняли? Алло! Проверьте свою линию. Опять не слышно? Дайте к аппарату ноль третьего! Снова не поняли?!

Младшему сержанту было невдомек, что он говорит сейчас очень неразборчиво. А откуда возьмется ясная речь, если зубы отбивают неостановимую дробь? По наставлению полагается трубку брать левой рукой, а Незабудка заметила, что младший сержант как-то неловко держит трубку правой рукой и прижимает ее подбородком.

При свете следующей ракеты она заметила — младший сержант пытается перевязать себе руку. Подошла, увидела, что он сильно раскровянил руку, и принялась ее бинтовать. Ведь когда связист пропускает через кулак невидимый провод, опасаясь потерять его, он часто накалывается об острые сростки, оголенные от изоляции, и стальные иглы раздирают пальцы до крови. Руки бывалого телефониста всегда в шрамах и рубцах.

— А ты обидчивый, — она окончила перевязку.

Младший сержант отрицательно покачал головой, но ничего не ответил; у него зуб на зуб не попадал.

— На-ка вот! — Незабудка набросила ему на плечи плащпалатку.

Он торопливо завернулся в нее и улегся на песок.

Над рекой установилась тишина — пусть непрочная, обманчивая, но все-таки тишина. Незабудка слышала даже, как плещется вода на быстрине.

По-видимому, немцы не решились контратаковать в темноте или подтягивали силы. Утром бой разгорится снова. Немцы не пожалеют сил, чтобы сбросить худосочный батальон в Неман и отбить «пятачок». Но это будет утром, впереди еще длинная-предлинная ночь и, если не думать об утре и тем самым не укорачивать ночь, можно неплохо отдохнуть.

7

Они улеглись рядом, так близко, что плечи их почти касались. Он подложил руку с забинтованной кистью ей под голову. Она лежала настороженная, ждала, что он вот-вот полезет с нежностями, как это делали другие, которым она разрешала лечь рядом с собой. Но он лишь спросил: «Так удобно?», и продолжал недвижимо лежать рядом. Краешком глаза она видела строгий профиль, — большелобый, с точеным носом и твердо очерченным подбородком.

Он снял один наушник, но продолжал прислушиваться к тому, что делается на линии. Доносился далекий писк, клочки морзянки, треск, чьи-то позывные и рваные слова команд на другом конце провода. Кто-то вдохновенно матерился басом и проклинал глухого, сонного «Оленя». Время от времени «Незабудка» считала до пяти, подтверждала свое присутствие на проводе. Но «Сирень» безучастно молчала, было тихо и спокойно.

— Какое совпадение! — она весело удивилась. — Меня кличут в батальоне Незабудкой. И вдруг — твои позывные. Вот ведь какие случаи случаются!

— На этот раз случайности нету, — признался он смущенно. — Я вчера попросил эти позывные. У нашего старшего лейтенанта. На узле связи. Сказал, «Незабудка» у меня везучая. Меньше обрывов на линии. Когда Вильнюс брали, меня тоже придали вашему батальону. И тогда на проводе «Незабудка» жила. Ровно месяц назад. Не помните?

— Нет.

— Ну, как же! Я тогда в подвале с рацией сидел. Где вы раненых перевязывали. Ну, тех, кого на улице Гедемина подобрали.

— Бой тот помню. А вот, что ты в подвале сидел...

Она прикрыла глаза, так ей легче было воскресить в памяти ранний вечер тринадцатого июля, душный, пропахший порохом, дымом и гарью, окровавленный вечер...

— Ох, вы тогда на раненых кричали! Ну там, в подвале...

Она с удовольствием закивала.

— Иногда на раненого накричишь и сама успокоишься. И ему не так страшно. Раненый про себя так рассуждает: «Ну, если на меня сестрица повышает голос, значит, мое положение вовсе не такое скверное. Не станет же сестрица кричать на умирающего! Значит, и подвал не отрезан от своих. Зря кто-то сболтнул...» А между прочим наш подвал в форменное окружение попал.

— Ну как же! И медикаментов тогда не хватило. Я вам два своих индивидуальных пакета в руки вложил.

— Все из головы вылетело.

— Разве до меня было?

Как ни силилась, она не могла вспомнить подробностей, но уже твердо знала, что не впервые встречается с младшим сержантом. Да, она видела, конечно, не раз видела эти глубокие темные глаза в темных веках, затененные ресницами, отчего глаза казались совсем черными. Да, она уже не раз ловила на себе его взгляды, неизменно почтительные и преданные.

— Позже я перебрался с рацией к православному собору. Чуть не на паперти божьего храма окопался. В скверике. Вы тот собор помните?

— Костелов там до черта было. Все небо загородили. А собора что-то не помню...

— Ну, как же! Мемориальная доска висит. Петр Великий присутствовал на молебствии. В одна тысяча семьсот пятом году. По случаю победы над Карлом Двенадцатым.

— Нас с тобой в случае чего, — Незабудка хмыкнула, — гробовая доска приголубит. Не хуже, чем мемориальная.

— Пускай лучше нам звезды светят. И птахи пускай для нас поют. В одна тысяча девятьсот сорок четвертом году. И в другие годы...

— Ты, наверно, стихами балуешься? И образование высокое?

— Только собирался в институт поступить. Перед войной. А работал радистом. Пароходство. В Керченском порту.

— Это у вас там керченские селедки водятся? — снова раздался смешок.

— Ну, как же! — обрадовался младший сержант. — Только моя рация не касалась рыболовного флота. Конечно, если штормяга... А так я больше переговаривал с самоходными баржами, с буксирами. Железную руду возили.

— Я железную руду тоже видела. Есть у нас на Северном Урале такая гора Юбрышка. Потом в Висимо-Шайтанске рудник...

— Ну, как же! А керченская руда знаменитая! У нее слава не меньше, чем у керченской селедки. Правда, фосфору в нашей руде многовато... Помню, обеды носил отцу в бессемеровский цех. Сызмальства привык к огню. Конвертор начнут продувать — воздух гудит, дрожит, шатается! И не видать воздуха за дымом, за искрами. Будто «катюши» всем дивизионом играют...

— А я малообразованная. — Незабудка тяжело вздохнула. — Кто знает, может, и я бы студенткой стала... Да осень выдалась неприветливая. Как раз вышел указ о прогулах. Чей-нибудь будильник даст осечку, откажется звонок подать, проспит хозяйка самую малость — добро пожаловать в тюрьму. И никто не принял того во внимание, что вчера хозяйку заставили сверхурочно работать. Да потом вечерняя школа. Четыре часа за партой...

— Тот указ много горя принес, — согласился младший сержант. — От него чаще страдали хорошие люди, чем плохие. У нас в Керчи тоже случаи были из-за этого указа...

— Да уж куда несчастнее случай в Свердловске случился. Когда я на работу опоздала. В первый раз никак не могла в трамвай сесть. Разве на Уралмаш трамвай ходил? Не вагон, а душегубка! Ногу на подножку поставила, уже за поручень ухватилась, а какие-то хамы столкнули, сами повисли и укатили... А через неделю будильник, будь он неладен. Вот и опоздала во второй раз. Ну, из комсомола исключили. Ну, засудили. Явилась с приговором в тюрьму, говорят: «Нет мест

свободных. Приходите на той неделе». Еще раз явилась, опять отсрочку дали. И никто заступиться не имел права. Указ! Только через два месяца в свой механосборочный цех вернулась. К тому времени квадратные уравнения, а заодно теоремы, сказуемые и все крестовые походы из сознания вышибло. До квадратных ли уравнений, когда вся жизнь насмарку пошла? Чуть не повесилась. Уже и веревкой запаслась. Но одной крошки глупости все-таки не хватило... Ну, поступила продавщицей в магазин «Гастроном». На площади Пятого года. Отдел — «Деньги получает продавец». Позже ученицей в парикмахерскую устроилась. Гостиница «Большой Урал». Но мастерицей недолго хлопотала. Еще, наверно, не успели отрасти волосы у моего первого клиента, которого я под машинку два нуля постригла — война! Первых раненых в Свердловск привезли — сразу в госпиталь подалась. Рядом с домом Чекиста. И знаешь? Отказались от меня в госпитале! Новые штаты им, видите ли, не прислали. Война до отдела кадров еще не докатилась. Однако через неделю санитаркой приняли. А почему? Вызвалась самолично раненых брить и стричь. Словчила, в своей спецовке пришла. Из парикмахерской халат. С узким кармашком для расчески. Сама стирала, крахмалила, никому халат не доверяла.

— Вот война окончится, за книжки сядете.

— Между прочим, я не девочка в платьице белом. И мне уже давно не шестнадцать лет.

— Еще совсем молодая...

— Вот так молодая! Да в моем возрасте уже все собаки сдохли. Семь лет назад паспорт получила. В мои годы мечтать поздно. «Куда, куда вы удалились...» А думать, говорить о будущей жизни...

— Почему же?

— Суеверная. Вот фотограф из дивизионной газеты хотел меня снять на карточку. Еще когда наградили вторым орденом. Трепался, что при моей внешности снимок можно сразу пускать в печать. Безо всякой ретуши. Однако не далась я фотографу в руки. Зря он на меня наводил свой оптический при-

цел. Дело было как раз перед наступлением... Не люблю испытывать судьбу! Потому и не загадываю насчет будущего. Разводить разные фантазии...

— Фантазии я тоже не уважаю. А примериться к завтрашнему дню... Вот хотя бы сейчас. Пока немцы позволяют. Может хирургом станете?

— Хирургом? Нет, на мирное время военных хирургов хватит. Еще без практики останешься. Тогда ведь только гражданские болезни останутся. А вот если бы, — она проводила взглядом трассу пуль, светящихся поверх голов, — ребятишек лечить. Впрочем, не знаю... Никогда не думала...

— А почему бы о мирной жизни не помечтать? За нее тогда и воевать сподручнее...

— А если вернусь домой да с пустой душой? До того обеднела — хорошим людям разучилась верить. Сам-то разве не заметил за мной такого? — Она помолчала, ждала, что он откликнется, но отклика не последовало. — Все чувства во мне умерли. Только ненависть к фашистам осталась.

— Не верю! А любовь? Доброта? Знаете, что Новиков, ну, тот усатый дяденька, про вас сказал? «Она, — сказал, — сердитая, но добрая...»

— Твой Новиков уже, наверно, в медсанбате. Голень у него перебита. Шину наложат. А костылями долго ему стучать придется. Для него война — вся...

— Я видел, как вы за ранеными ухаживаете! Из-под огня выносите. Ну, как же! А без любви откуда и ненависть возьмется?

— За ранеными ухаживать — дело хорошее. — Она снова вздохнула. — Хуже, когда за тобой здоровые начинают ухаживать... Плохим людям поверила. На хороших веры не хватило.

— Опять на себя наговариваете.

— Сам не убедился? Вот тебя сегодня в трусы зачислила. Еще на том берегу возвела напраслину. Эвакуировались бы мы вдвоем на дно — и разговор весь. Утопленникам рассуждать некогда. Теперь представь — только один из нас выбрался бы

на этот берег подобру-поздорову. Один из нас, из двоих, живой из воды вышел бы, чтобы обсушиться на белом свете. Или я бы о тебе, несчастливом, правды не узнала. Или ты бы от меня, убитой, прощения не выслушал, носил с собой вечную обиду.

— А я на вас, Незабудка, вообще обидеться не могу. Только пожалеть...

— Не смей меня жалеть! Я вовсе не слабая. Вот захочу — и забуду про себя все плохое! Только и всего...

— А я ничего про себя забывать не хочу. И когда страхом трясся, дрожал за свою шкуру — помню. Я вот, признаться, в последних боях больше бояться стал, чем прежде. Или потому, что победа ближе?

— Мой страх наоборот на убыль идет. Привыкла? Или стала к себе безразличная?

— А может оттого, что душа в одиночестве?

Незабудка привстала и всмотрелась в его смутно белевшее лицо. Увидела глубокие глаза с теплинкой и разлетистые черные брови? Или только вообразила себе все черты лица в темноте? Она долго молчала, возбужденная разговором, который затеял младший сержант.

«Мечты, мечты, где ваша сладость?..» Намечтаешь столько, что в каску не заберешь. Придет ли для меня эта мирная жизнь? А если я с войны калекой приковыляю? Очень прошу, — она все сильнее раздражалась, даже сердилась, — не думай обо мне лучше, чем я есть. Все чувства на войне израсходовала. Даже энзе не осталось...

— А чувства вообще нельзя израсходовать.

— Если дотяну до победы — забуду себя, фронтовую. Забуду, и вся недолга! Натощак буду жить, без памяти.

— А память нам не подчиняется. Над ней не то, что наш «большой хозяин», ноль первый, сам Верховный Главнокомандующий не властен. Ну, как же! Иногда начнешь что-нибудь вспоминать — никак не вспомнишь. А забыть захочешь — никак того из памяти не выгонишь. Разве я могу хоть на минуту забыть, что меня война обездолила, круглым сиротой сделала?

А чем прилежнее забываешь — тем сильнее это прячется в памяти. Какие-то там есть закоулки, тайники, запасные позиции, что ли... Прячется, а прочь из памяти не уходит. Если бы мы своей памятью распоряжались — никто бы зла не помнил, никто бы от угрызений совести не страдал...

8

Может быть, темнота придала Незабудке смелости, или ее тронуло душевное расположение соседа, или ее в самом деле мучила совесть, но она ощутила внезапную потребность исповедаться.

— Между прочим, всю зиму в одном блиндаже с майором прожила, — она горько усмехнулась. — Весь медсанбат знал. Как говорится, — она запнулась, а затем с отчаянной решимостью выпалила, обжигая себе губы словами, — замужем не была, без мужа не спала!

Зачем же она говорит о себе в насмешку? Старается как можно больнее себя уязвить? Выставить себя в самом непривлекательном виде? Младший сержант понял: чтобы он не стал ее жалеть. Но он догадывался, он чувствовал, что ее цинизм — деланный, нарочный. Она лишь маскирует неопрятными, грубыми словами свою чувствительность, притворяется бесстыдной, хочет себя унизить.

— Если с вами вместе в том блиндаже любовь проживала... — с трудом вымолвил младший сержант. — Любовь греха не знает.

Она резко повернулась, и ее опалило горячим блеском глаз, глядящих в упор. Незабудка не выдержала немого допроса и откинула голову на песок, мимо его сиротливой руки, белевшей бинтом.

— А если без любви? — спросила она после долгого и подавленного молчания, с каким-то недобрым вызовом. — Конечно, поначалу всему верила. Вот она любовь — единственная, не-

повторимая. «Ты у меня одна заветная, другой не будет никогда». Потом заставляла себя верить. Потом поняла, что сама обманулась и другого человека обманываю. А когда поняла — не накопила смелости, не объяснилась до конца. Не распрощалась вовремя. Под огнем ползать не стеснялась, а тут смелости не хватило... Только весной, когда под Витебском шли бои, перевелась из медсанбата на передовую... Как поется в той песенке: «И разошлись мы, как двое прохожих, на перепутье случайных дорог...» А в батальоне у Дородных служить хорошо! Никто из офицеров не кавалерничает. И прошлым глаза мне не колит. — Незабудка передохнула с облегчением, самое трудное было произнесено. — Ну, кому я нужна буду после войны? Ушла на фронт, мне уже двадцать лет стукнуло. Воюю четвертый год. Кто знает, когда сниму каску и сапоги... А между прочим, в тылу подросли невесты, много невест. И девушки-то все на выданье — восемнадцать, девятнадцать, двадцать лет. Я еще до войны заневестилась. Кавалеров было — хоть пруд пруди. А вот единственного, любимого... На танцы пойду — не дают присесть, отдышаться вволю. Но жизнь, она длиннее самого длинного вальса... Нынешние невесты пороха не нюхали. Не знают, какой грубой и некрасивой стороной иногда поворачивается жизнь. Им не кружит голову контузия. Не гнет в дугу ревматизм. Они не ковыляли на костылях, кожа у них нежная, без шрамов... А потом, разве ты не знаешь, как некоторые в тылу смотрят на нашу сестру, когда она возвращается с фронта? А я по всем статьям фронтовичка...

Если бы так рассуждала какая-нибудь дурнушка, да еще девица на возрасте... А Незабудка слегка, самую малость кокетничала. Она представлялась достойной жалости не потому, что хотела вызвать жалость младшего сержанта, но потому, что ей не терпелось услышать от него горячие возражения. Ах, она так хотела, чтобы он снова ей возразил, не позволил ей думать и говорить о самой себе плохо, чтобы он еще раз ободрил ее, как делал сегодня уже не раз.

Однако Незабудка не дождалась ни слова в утешение. Она

тяжело вздохнула и вдруг в самом деле почувствовала себя безутешной...

«Голубые глаза, в вас горит бирюза...» — запела она несмело. — Мне, между прочим, голубой цвет был к лицу... — она запнулась, застеснялась. — И платье дома осталось. Такой веселый ситец, цветочки-василечки кругом. Косынка — тоже голубого шелка. И сережки бирюзовые... Между прочим, я красивая, хорошо знаю, что красивая. И это — после того, что пережила! Теперь притерпелась, а прежде мне так своего тела жалко было! Нежная кожа совсем ни к чему оказалась. И тут шрам, и тут изувечило, и тут метка, — смущаясь, она показала на грудь, на живот, ткнула пальцем в бедро. — А было время, подолгу перед зеркалом крутилась. Одно слово — парикмахерская! Маникюр. Прическа. Как полагается. Даже не верится, что есть женщины, которые разгуливают сейчас на высоких каблуках, красят губы и ресницы, завиваются, ходят на примерку к портнихе или спешат вечером на танцы... Чудно́! Какие там еще каблуки и танцы! Тут мечтаешь разуться на ночь. Три года не снимала сапог. Не надевала, — она снова запнулась, — лифчика. В зеркало не гляделась досыта. Или в лужу на себя поглядишь, или в разбитое стекло. Вот в Вильнюсе, который ты вспомнил, там на главных улицах уцелело много зеркальных витрин. Было куда поглядеться... Может, я даже слишком красивая. А вот нету у меня судьбы... Ой, зачем ты мне руки целуешь?! Они такие грубые, обветренные. И кожа потрескалась... Наверно, порохом пропахли, ружейным маслом. Сегодня утром два диска расстреляла. Когда раненых подбирала, там, на лугу. — Она запрокинула голову и поглядела куда-то вверх, за край песчаного косогора. — Никто, никто не целовал мне рук. Только пленный немец. Подольститься хотел. Я в санитарную сумку полезла, немец подумал — в кобуру. Я перевязать его собралась, немец подумал — пристрелить... Между прочим, приятно, когда человек меняет о тебе мнение к лучшему. Даже, если тот человек — немец. Хуже, когда случается наоборот. Как бы и с тобой такое не приключилось. Издали глядел — любовался. Ну, прямо ангел голубогла-

зый! Невинная, как незабудка. А вот полежал рядом, на этом ночном пляже, да разглядел получше — крылышки-то у ангела помятые, подмоченные. А характеристика такая, что в рай этого ангела и на порог не пустят...

— Вот и хорошо! Я тоже пароля не знаю. По которому в рай пускают. А мне, кстати, в том раю и делать нечего. Вот мирная жизнь наступит, какая до войны была, — это и будет рай на земле.

Незабудка отрицательно покачала головой.

— Какой же у нас был рай? В нашей прошлой жизни многое чинить нужно. Есть еще затруднения, или, как ваш брат связист выражается, помехи, что ли... Чтобы несправедливые указы аннулировали. Чтобы людей не виноватили понапрасну. А то люди скупее улыбаться стали, позднего стука в дверь боятся, мысли прячут не только от чужих — от самих себя.

Младший сержант надолго призадумался.

Он думал над тем, что сказала Незабудка, но этому мешало раздумье о ней самой. Она совсем не та, какой он воображал ее себе сегодня утром. Он не знает — лучше Незабудка или хуже той, выдуманной, но эта, прежде незнаемая, стала ему желанней и дороже прежней.

Тишину нарушала лишь дальняя перебранка пулеметов, да чей-то истошный крик — «Давай весла-а-а!» — на том берегу, да ракета, с шипением окунувшаяся в зеленую реку; напоследок ракета наскоро перекрасила воду, застекленевшую в штиле.

Дальше молчать было труднее, чем говорить. Пусть уж лучше деланное, вымученное веселье! И младший сержант принялся рассказывать историю про недотепу-связиста — историю, которая представлялась ему весьма забавной.

Никак тот недотепа не мог свой глухонемой аппарат привести в чувство. На переправе через Березину сложил руки рупором да и закричал: «Ванюшка-а-а, бери трубку-у-у! Я сейчас с тобо-о-ой по телефону-у-у говорить буду-у-у!» А голос у того недотепы, как труба иерихонская. Услыхал его Ванюшка на дру-

гом берегу — и ну кричать в ответ! И хоть над водой звук бежит шибко, никак наш горлодер не мог разобрать, что ему с другого берега Ванюшка сообщает. Ну, прямо затеяли игру в испорченный телефон...

Затем младший сержант рассказал, как тот недотепа хранил военную тайну от чужих ушей. Он кричал в трубку: «Побольше огурцов пришлите! Осколочных огурцов на батарее хвата-а-ает. Шлите огурцы бронебойные и зажигательные. Наше овощехранилище на околице. Крайний сарай, сразу за мосто-о-ом. Только не жадничайте с огурцами! Командир батареи требует два боекомплекта-а-а!»

Незабудка щедро, не сдерживая себя, посмеялась. Так хотелось вознаградить младшего сержанта за его старание! Право же, рассказ веселый-превеселый... Смех ее прозвучал весьма беззаботно, она была очень довольна собой в ту минуту.

Вот что ее неприятно удивило минутой позже — оказывается, она умеет очень ловко притворяться! Откуда же это притворство? Да все ради него, ведь она думала только о нем, хотела его развеселить! Но разве можно развеселить другого, если у тебя самого пасмурно на душе? Она приподнялась на локте, низко-низко наклонилась над смутно белевшим лицом младшего сержанта и вгляделась в его глубокие блестящие глаза.

— Ну, что пригорюнился? Спасибо тебе за байки.

Она приблизила свои губы совсем близко к его губам — так, что ощутила жар его дыхания. Он приподнял голову и хотел ее поцеловать, но она положила палец на его зовущие, нетерпеливые губы и покачала головой.

— Это я не тебе... Себе запрещаю, — произнесла она едва слышно. — Не хочу, чтобы ты... Плохо обо мне подумал...

Он согласно кивнул, отстранился, именно потому, что ему очень не хотелось этого делать, лег, подложив под голову здоровую руку, и прикрыл глаза.

А у Незабудки не проходило ощущение вины, хотя он ни в чем ее не винит, хотя в этой вине она не виновата, а права. Сейчас никак не годилась та мерка, какая была у нее в обраще-

нии позавчера, вчера — да что вчера! — еще сегодня днем, до того, как они остались наедине со звездами, ракетами и трассами пуль, летящих поверх голов.

Отныне она мерила свое поведение не покладистой и капризной минутой, а всей жизнью — прошлой, настоящей, а еще больше будущей. Если бы она сейчас задумала вести себя по-старому, она обокрала бы обоих. И чтобы скрыть душевное смятение, а может быть, для того, чтобы развлечь младшего сержанта, она решила в свою очередь рассказать ему какой-нибудь забавный случай.

Поначалу он не слышал ничего, кроме ее затрудненного дыхания, но она совладала с волнением, и к нему тоже вернулось утраченное спокойствие, хотя бы в такой мере, что он стал понимать смысл произносимых ею слов.

— ...В восьмой роте, во время перебежки. Между прочим, огонь. Подползаю к молоденькому бойцу. Тот лежит ничком и кричит дурным голосом. «Что с тобой?» — «Ослеп я. Глаза у меня выжгло. Все лицо сгорело». Подняла ему голову, осмотрела — даже царапины нету. А он жмурится изо всех сил, никак гляделки свои не откроет. «Подымайся, заячья твоя душа! Догоняй взвод! — командую. — Ничего у тебя, кроме совести, не сгорело». Ну, тут я, между прочим, не удержалась. Поддала ему коленом в зад. «Ты, сопляк желторотый, лицом в крапиву упал!»

Младший сержант никак не отозвался на рассказ Незабудки. Он лежал беззвучно, не шевелясь. Давняя печаль застыла в его глазах, их совсем не коснулось мимолетное веселье.

Не слышал ее смеха? Или распознал в нем подделку? Она шумно передохнула, встала, надела каску, сняла с коряги свою санитарную сумку и взяла автомат. Коротко бросила через плечо: «Ну, бывай!» — и проворно взобралась по косогору.

Незабудка уже растворилась в темноте, а песок, потревоженный ею, продолжал осыпаться на голову младшему сержанту. Еще долго он вслушивался в шорох струящегося песка.

9

Незабудка никак не могла отдышаться. Неужто эта ерундовская круча сбила ей дыхание? Не может этого быть, никак не может...

Темнота такая, что, стоя у подножия телеграфного столба, даже прислонясь к нему, не видать его верхушки. Незабудка знала, что линия повреждена: еще утром она видела путаницу безжизненных проводов, позолоченных солнцем. Почему же столб гудит, как живой?

Ракеты, которые немцы прилежно жгли над своими позициями, помогли Незабудке ориентироваться в ночной прогулке, выйти к нашему передовому охранению. Ночь она провела на опушке дубравы, в расположении седьмой роты. Встретили ее там приветливо. Незабудку уважали за добротную — солдатскую, а не показную — храбрость. Она уже давно переболела той детской фронтовой болезнью, когда пренебрегают умной осторожностью, кокетничают под пулями, играют в жмурки со смертью. А еще Незабудку уважали за то, что она по-сестрински заботится о раненых, пусть даже при этом ругается и кричит.

Солдаты устроили Незабудку в затишке, за спиной кряжистого двуствольного дуба, притащили откуда-то немецкую шинель. Шинель была весьма кстати, так как трофейную плащпалатку, подобранную кем-то из раненых, она оставила младшему сержанту. Если говорить начистоту, она и с берега ушла так расторопно и попрощалась с младшим сержантом второпях, чтобы он не спохватился и не вернул ей плащ-палатку.

Незабудка быстро пригрелась. К тому же огонь утих, немцы не решались ночью сунуться в лес. Можно бы и соснуть, положив голову на корневище, благо подножие дуба выстлано сухими листьями, а шинель преогромная, снятая с какого-то верзилы.

Незабудку сильно клонило ко сну, и, однако же, бессонница превозмогла желание спать. И что для Незабудки было полной

неожиданностью — она все время возвращалась мыслями к младшему сержанту. Словно не разлучалась с ним и жила в его присутствии. Ну, просто наваждение! Глубокие черные глаза смотрели на нее внимательно, с теплинкой.



И ей пришла на память не то песенка какая-то, не то частушка: «Мне без ваших черных глаз ничего не видно...»

У нее было непроходящее, стойкое ощущение — не договорила с младшим сержантом о чем-то очень важном. Вспомнила, что у него порвана штанина на колене. А ведь могла зашить! И как не догадалась, пока было светло, достать нитку с иголкой? Да и попозже можно было исхитриться. Три ракеты отгорело — управилась бы с починкой. Или накрыться вдвоем плащ-палаткой и зажечь карманный фонарик. Он хранился

в санитарной сумке и не должен был выйти из строя, поскольку батарейка не намокла...

Может, младший сержант голоден? Могла бы и сухарями поделиться, сухари в той же сумке. И глотком спирта могла бы согреть. Ах, мало ли как можно согреть хорошего человека! Взглядом, прикосновением руки, одним ласковым словом можно согреть человека...

А какое право она имела все время «тыкать» ему, в то время как он называл ее на «вы»? Только потому, что старше его по званию? Два лишних лычка на погоне — вот и все ее старшинство. Но годами-то он старше!

Она вдруг ощутила в душе пустоту оттого, что не знает, как его зовут. Очень досадно, он ни разу не назвал ее по имени! Еще на том берегу спросил, как ее имя. А что она ответила? Что-то насчет танцплощадки. Я, мол, не тыловая барышня, нечего со мной заигрывать. Нагрубила и обрадовалась. Уж какая барышня из меня, из невежи... Все расспрашивал, кем хочу стать после войны. Очень ему понравилась затея — ребятишек лечить. Иной ребятенок не меньше нуждается в помощи, чем тяжелораненый. Пусть раненый без сознания — хирург всегда видит, где пуля или осколок наследили. Ну, а когда махонький ребятенок болен, он даже не умеет сказать, что у него болит. Врач сам должен найти в маленьком тельце эту боль и унять ее. Да, большое дело — лечить маленьких! Этому стоит учиться долгие годы. Как-то по-особому называется врач по детским болезням, не вспомню, как именно... А вот не догадалась спросить — чем младший сержант сам хочет после войны заняться. Наверно, у него есть заветная думка на этот счет. Может, все время ждал вопроса, но только слишком я недогадливая. Такая толстокожая, даже удивительно, что меня три раза пули и осколки дырявили! Может, напрасно я про себя, про свой будильник, про свою судимость рассказала? Вот в том, что из комсомола исключили, — исповедалась, а про то, как меня на фронте в кандидаты партии приняли, — не успела сказать...

Со смутным чувством обиды она вспомнила майора медицин-

ской службы, с которым прожила зиму в блиндаже. Право же, она не слишком словоохотлива, тем более не болтлива. Но, когда однажды она осталась с тем майором наедине, ей мучительно захотелось поговорить всерьез о самом главном в жизни, то есть о самой жизни, не только сегодняшней, но и завтрашней. Она так нуждалась тогда в совете, хотя бы в участии, ей так нужен был вдумчивый слушатель, которому не безразлична ее судьба. А майор спросил позевывая: «Ну, о чем еще говорить? Мы уже давно обо всем переговорили». Как это так — обо всем переговорили? Тяжко быть одинокой в одиночестве, но еще тяжелее, когда ты одинока вдвоем. И Незабудка подумала с волнением, что если бы жизнь была милостива к ней и не разлучила с младшим сержантом, у них всегда было бы что сказать друг другу, они никогда не переговорили бы обо всем, им никогда не было бы вдвоем скучно на белом свете...

Ей очень хочется спать, и, конечно, она заснула бы, если бы была уверена, что увидит младшего сержанта во сне. Но она такая невезучая, она так редко видит хорошие сны! Сердцем она понимала, но рассудком понять отказывалась — значит, еще не прошли сутки, как младший сержант заговорил с ней на том берегу! Какая же волшебная сила отодвинула вчерашний рассвет на такое огромное расстояние от сегодняшнего дня?!

Вечерняя беседа там, на берегу, родила в Незабудке поток мыслей. Она сделалась умнее, сильнее, добрее, богаче — старше и одновременно моложе, чем была вчера. Досадно, не сказала младшему сержанту многого, что хотелось сказать. Но ведь это можно исправить! Они оба живут на белом свете, у них впереди жизнь, и эта новая для нее жизнь только началась! Боязно подумать, что она могла умереть, не прожив этого вечера на берегу Немана. Не услышать того, что услышала! Не испытать того острого счастья, какое пронзило ее, когда он заглянул ей в самую душу, когда целовал руки! Не поразмыслить над тем, над чем младший сержант заставил ее сегодня размышлять! Не обратить взгляда в завтрашний день! Не ощутить незнаемой прежде доброты, нежности, доверия, страстной жажды счастья!

Она поняла, что еще не ощутила этих высоких чувств в полной и богатой мере, которая отпущена любящему сердцу. Да, сегодня она влюбилась в жизнь...

И ей стало заново и невыразимо жаль свою фронтовую подружку Лиду, убитую под Витебском, и других подружек из санитарной роты еще и потому, что они погибли, не пережив всего того, что она сама пережила сегодня, словно те девушки умерли не родившись...

10

Он устроился на ночлег в своем окопчике — положил голову на песок и ухом прижал наушник. Как только его вызовут — проснется. «Сирень» долго молчала, затем на том конце провода послышался голос Незабудки. Что за наваждение? Он вслушивался изо всех сил, но ничего не мог разобрать. Смысл слов оставался неясным, но он слышал сердцем какие-то прекрасные, неземные слова.

В ушах загрохотало. Наотмашь ударил по лицу горячий, пропахший горелым порохом воздух, и сонливость как рукой сняло...

Позже солдаты притащили откуда-то катушку с трофейным проводом; ее сняли с убитого немецкого телефониста. Катушка с проводом — да ведь это же целое богатство! Метров семьсот пятьдесят — восемьсот, никак не меньше. Младший сержант уже не раз перебирал руками, сматывал и разматывал этот трофейный провод в гладкой цветной оплетке. Сейчас не разобрать, какая оплетка у провода — желтая, синяя, зеленая или пунцовая — это не играет никакой роли. Значительно важнее, что провод совсем целехонький, ни единого сростка!

А кроме того, наконец-то с восточного берега в помощь младшему сержанту переправился линейный надсмотрщик, он заменит раненого Новикова. Новый помощник срастил провод с трофейным. Значит, младший сержант может двинуться вперед, к Дородных. А в затишке под обрывом останется его помощник, здесь будет контрольный пункт.

Ночь напролет между берегами совершала навигацию надувная лодка. Привезли одежду, каски и вещмешки, брошенные пловцами на том берегу. Переправились санитары, они прибыли к берегу под начало Незабудки. Вместе с линейным надсмотрщиком добрался старшина, он приволок два термоса и канистру. В той канистре аппетитно булькал «продукт номер шестьдесят один»; в переводе с интендантского на русский язык этот продукт именуется водкой.

Но младшему сержанту недосуг было ждать, пока старшина накормит его обедом на рассвете и попотчует водочкой. Можно ли засиживаться под кручей, если «Незабудка» так нужна впереди? Он собрался в дорогу и только в эту минуту вспомнил — у него же на плечах плащ-палатка! Она сразу показалась тяжелой.

Незабудка собралась как-то очень поспешно и, наверно, поэтому забыла свою плащ-палатку. А сама где-нибудь коротает ночь на ветру, под ней мать сыра-земля, а форма одежды у нее совсем летняя... Может, постеснялась и не потребовала свою плащ-палатку, ждала, что он сам вспомнит и отдаст? Ждала и не дождалась... Вот безмозглый! Лишь бы Незабудка не подумала, что он нахально присвоил себе чужую вещь...

Он взобрался по той же самой тропке в песчаном косогоре. Шел по следам Незабудки — также миновал линию телеграфных столбов, пересек луг и углубился в дубняк, только взял левее и вышел к наблюдательному пункту комбата.

В дубраве впервые прозвучали хриплые позывные:

— Я — «Незабудка». Алло! «Сирень», вы мне нужны...

Дородных повернулся на голос и навострил ухо. Появление «Незабудки» было для Дородных большим и приятным сюрпризом, однако, радости он ничем не выказал, а лишь повертел шеей и сделал младшему сержанту замечание:

— Кричи потише! А то немцы услышат. Придется мне тогда съезжать с квартиры, — и он, тряхнув чубом, кивнул на свой окоп, вырытый между корнями могучего дуба.

Младший сержант соединил Дородных с «Сиренью», а дальше, при посредстве «Оленя», — с «большим хозяином». Артиллерийские разведчики внесли коррективы в данные, которые передали вечером. Теперь наши батареи за Неманом надежно прикроют десантников на плацдарме. По первому требованию Дородных перед лесными опушками и на подступах к берегу возникнет огненный щит.

В последней телефонограмме, которую «Сирень» приняла с западного берега, «Незабудка» требовала большого огня. При этом «Незабудка» просила вести огонь фугасными снарядами — на кромке леса появились танки противника.

На рассвете немцы смяли наше охранение на южной опушке, но не решились силами танкового десанта углубиться в лес. Очевидно, немцы ждали подкрепления, а пока сделали попытку отрезать наши передовые роты от берега.

«Сирень» долго надрывалась после той, последней телефонограммы:

— «Незабудка»! «Незабудка»! Почему не отвечаете? Вы меня слышите? «Ноль третий» ждет. «Ноль третий» у аппарата. Передайте «ноль седьмому» — даем заградительный огонь. Кормим противника фугасами. «Незабудка»! Алло! Вы мне нужны! Почему молчите?..»

Танковые пулеметы строчили и строчили по дубраве, так что вся она пребывала в тревожном непокое. Летели листья, ветки, ошметки коры, незрелые желуди, срубленные пулями. Словно по дубраве разгулялся шквальный ветер, словно тут начался какой-то колдовской листопад, опередивший все сроки, нагрянувший до того, как опали желуди, а листья успели пожухнуть и заржаветь.

Безопаснее было бы отползти поглубже в лес. Но младший сержант не мог сейчас терять время на передислокацию. А кроме того, он упустил бы из виду танки, и артиллерийский разведчик лишился бы возможности корректировать огонь батареи.

Не доверяя штабному телефонисту из «Сирени», с «Незабудкой» держал связь «ноль третий», а затем трубку собствен-



норучно взял «ноль первый». Дородных находился на другом фланге, и «ноль первый» через младшего сержанта передал комбату, что на рассвете переправит на подмогу не менее двух...

Младший сержант не дослышал: «Не менее двух...» А чего именно — двух орудий? Двух рот?

В наушниках раздался гром, какой еще никогда не доносился к младшему сержанту по проводу. Он так и не успел понять,

что провод и наушники здесь ни при чем — гром раздался совсем рядом и его опередила молния разрыва. Кто-то со злой силой ударил в грудь, грубо выхватил из рук телефонную трубку, сорвал с головы наушники. Во рту стало солоно, в глазах темно.

11

Взводный послал за Незабудкой. Связной еще ничего не успел сообщить, но она сердцем поняла — несчастье с младшим сержантом. Она побежала, не разбирая дороги, задевая плечом стволы дерев, натыкаясь на пни, продираясь сквозь заросли дубков-малолеток, спотыкаясь о корневища.

С разбегу упала она перед младшим сержантом на колени, разрезала окровавленную гимнастерку. По-видимому, пуля пробила легкое и застряла под самой ключицей. Она приложила ухо к его груди, липкой от крови. Но она сама так тяжело дышала, у нее самой было такое сердцебиение, что не сразу услышала биение его сердца.

— Товарищ младший сержант, товарищ младший сержант... — Левую руку она держала на его пульсе, а правую подложила под голову. — Товарищ младший сержант! «Незабудка»! Алло! Вы мне нужны. Вы мне очень нужны! Ну, очнись, милый... Ах, если бы вы только знали, как вы мне нужны!..

Но младший сержант по-прежнему лежал, сомкнув губы и закрыв глаза, в глубоком беспамятстве; оно могло пройти, а могло стать вечным...

Она вдруг ощутила вину перед младшим сержантом — сама здорова, до неприличия здорова, невредима, а он... Вот и перевязку сделала отличную, по самым строгим правилам, а чувствует себя виноватой. Она не испытывала этого, когда перевязывала других раненых. Наоборот, к ней приходило тогда чувство облегчения, знакомое каждому человеку, хорошо выполнившему свой долг.

Никак не проходило смутное чувство вины перед младшим сержантом. Он ведь и в десант сам напросился, чтобы быть к ней поближе: Если бы не она — и в десанте этом не принял участия, не склоняли бы телефонисты ее прозвище день-деньской и всю ночь.

Подошли санитары, но она даже не обернулась на их шаги, не замечала того, что они рядом. Две дубовые жерди и та самая, оставленная ею в подарок и продырявленная плащ-палатка пошли на самодельные носилки. Теперь, когда младший сержант ее не слышал, Незабудка одними губами шептала ему самые нежные, самые ласковые слова. Она называла его именами, которыми не называла прежде никого.

Санитары не торопили Незабудку, они принялись свертывать цигарки из одного кисета. Незабудка вновь проверила пульс, и лицо ее стало светлее. Очень захотелось написать что-нибудь младшему сержанту на прощание, но писать было не на чем, нечем и некогда. Вспомнила! Ведь у него же был при себе карандаш. Она расстегнула карман гимнастерки и нашла огрызок карандаша. Но ни клочка бумаги, только красноармейская книжка.

Тогда она достала из кармана красноармейскую книжку и стала ее перелистывать дрожащими руками. Первая страничка, та самая, на которой значились имя, отчество и фамилия владельца, размыта водой. Расплылись лиловыми пятнами чернила, которыми записаны все эти сведения. Она вглядывалась и ничего, ну ничего не могла разобрать в лиловых кляксах и потеках — ни имени, ни отчества, ни фамилии. Значит, она никогда не узнает его имени и должна примириться с мыслью, что, когда он очнется, поправится, — не узнает, как ее зовут. Она сама, сама, сама виновата во всем...

Вспомнилась почему-то безымянная могилка где-то у подножия высоты 208,8 на подступах к Витебску. Могильный холмик, на нем телефонная катушка с оборванным проводом; в холмик воткнута палка, тем же проводом к палке привязана фа-

нерная дощечка, а на ней надпись: «Здесь похоронен неизвестный связист, позывные «Казбек».

И тут вдруг Незабудка заметила, что кляксы на страничке красноармейской книжки, которую она по-прежнему держала в руках, расплылись еще больше.

Она запрокинула голову — пасмурное небо, но дождя нет. И только тогда поняла, что это она; старший сержант медицинской службы, санинструктор третьего батальона Легошина, плачет. Она еще умеет плакать после всего, что пережила? Еще не высохли до дна ее глаза? Это младший сержант научил ее заново слезам, и, как знать, возможно, он воскресил бы в ее жизни многое из того, что казалось умершим...

Если бы только он мог услышать ее негласное признание, ее немую мольбу: «Прошу вас, не оставляйте меня одну в этой жизни. Я теперь стану еще более одинокой, чем прежде. Буду одинокой и одна, и вдвоем, и на людях. Даже в строю, на будущем параде в честь победы. Вы мне нужны, вы мне очень нужны, ах, если бы вы только знали, как вы мне нужны! Мне без ваших черных глаз ничего не видно. И душа зябнет...»

Дрожащими пальцами она перелистывала намокшую с обложки, подмоченную по краям, волглую книжицу. Она искала чистую, не заполненную текстом страничку. Черкнуть бы несколько прощальных слов! Но чистые странички все не попадались, а в глаза лезла почему-то опись вещевого имущества: ...шаровары суконные, шаровары хлопчатобумажные, шаровары ватные... чехол к котелку, чехол к фляге... ремень поясной, ремень брючный, ремень ружейный...

Эта интендантская обстоятельность, переживающая всех и вся, была сейчас оскорбительной.

«Ну при чем здесь чехол к фляге? Ну кому он сейчас нужен?» — она раздраженно перевернула листочек. Конечно, хорошо бы написать младшему сержанту письмецо. Но санитары ждут, а ей самой пора к раненым, которые лежат у подножия кряжистого, двуствольного дуба.

Она продолжала судорожно листать красноармейскую книжку и пятнала слезами отсыревшие странички, сплошь заполненные каким-то печатным текстом. Но вот на глаза попалась чистая, без текста, страничка с рубрикой наверху: «Домашний адрес; фамилия, имя и отчество жены или родителей».

Она вспомнила, что он — круглый сирота. Дрожащей рукой зачеркнула «или родителей» и написала на чистой страничке: «Легошина Галина Ивановна».

А под этим указала номер своей полевой почты.

Впервые в жизни она назвалась женой, да еще самозванно! Незабудка взглянула на свою запись и огорчилась. Такой корявый почерк, точнее сказать, — каракули. Но она все-таки надеялась, что потом, когда младший сержант поправится, выпишется из госпиталя и найдет в своей красноармейской книжке эту запись, он разберет, узнает, — а не узнает, так угадает, почувствует! — ее руку.

«Вот, наверно, удивится, что меня зовут Галей!»

Она с детства помнит, что знакомые, соседи удивлялись и даже попрекали родителей — как это Легошиных угораздило назвать Галкой свою беленькую, голубоглазую девчушку!

Она еще раз пощупала пульс, облегченно вздохнула и, не вставая с колен, поцеловала в твердые, безучастные губы того, кого назвала своим мужем. Наконец, она поднялась и кивнула санитарам, которые, как по команде, смущенно кашлянули.

Они стали невольными свидетелями этого расставания. Вот, оказывается, кому Незабудка отдала свое сердце! Никто и не подозревал, что между ними такая любовь — простилась с младшим сержантом, как невеста с женихом, как жена с мужем.

Санитары зашагали к Неману, и вскоре носилки скрылись за дубками.

Незабудка потерянно оглянулась — все вокруг осталось, как было. И не потемнело небо, не покачнулась земля под ногами, не застыла неподвижно вода в Немане, не опали листья на дубах! И она пережила все это! Только сердце ныло, ныло, ныло,

как рана к непогоде. А вообще наступит ли теперь когда-нибудь для нее хорошая погода?

Она увидела справа далекую линию телеграфных столбов, шагающих вдоль Немана, и безотчетно поискала глазами тот самый столб, к которому прислонилась тогда, — провода оборваны, а гудит, как живой. Вот и с ней приключилась такая же история — все прожилки, все нервы оборваны, все в ней одеревенело, а сердце гудит, как живое.

Она шла по кромке дубравы, вдоль телефонного провода. Еще недавно провод был серым, а сейчас, в предчувствии утра, все расцветилось, и она увидела, что оплетка провода красная. Может, уже кто-то другой называл себя «Незабудкой» и прижимал наушники, но для нее провод стал безжизненным, — никогда больше этот провод не будет согрет теплом его голоса.

С трудом ступала она в своих легких сапожках, сшитых по ноге. Она шла сгорбившись, будто подымалась в крутую гору или шла против сильного ветра. И слезы, слезы, непрошеные и давно забытые слезы текли по ее щекам.

Евгений Захарович ВОРОБЬЕВ
НЕЗАБУДКА
Маленькая повесть
Художник Ю. РЕБРОВ

Главный редактор Ф. Царев
Литературный редактор Ж. Фомина
Художественный редактор Л. Шканов
Технический редактор Ю. Гончаренко
Корректор Л. Макарова
Адрес редакции: Москва, Д-7, Хорошевское шоссе, 38/40.

Г-83331 Сдано в набор 24.VII.62 г. Подп. к печ. 25.IX.62 г. В печ. л. 66080 тип. зн.
Бумага $70 \times 108^{1}/_{32}$=1,5 печ. л.—2,05 усл. печ. л. Цена 5 коп. Зак. 448

I-я типография
Военного издательства Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3


Цена 5 коп.